

Сергей АБАШИН

**НАЦИИ И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА/
ПРАКТИКИ**

Так случилось, что 21 августа 1991 г., в самый разгар путча, я улетел из Москвы в Узбекистан для продолжения своих полевых исследований в одном из ферганских селений. Обрато я вернулся 11 сентября. Обо всём, что происходило в те дни: гибель трёх защитников Белого дома, возвращение Горбачёва из Фороса, водружение трёхцветного флага на здание Дома Советов, демонтаж памятника Дзержинскому, фактический роспуск КПСС, самоубийства нескольких высокопоставленных функционеров и т.д. – мне пришлось отрывками узнавать из телепрограмм, которые я мог посмотреть в гостях у своих узбекских информаторов, когда собирал сведения о местной колхозной жизни. Помню недоумённые лица моих собеседников, совершенно не понимавших, что происходит в Москве, не воспринимавших знаковые и невероятные для меня, москвича, факты как признаки катастрофы или революции. Их жизнь шла своим чередом, жителей кишлака больше заботил надвигающийся сбор хлопка, а также дефицит товаров, способы найти деньги для сезона свадеб, которые проводятся между окончанием летних сельскохозяйственных работ и началом осенних.

31 августа в Узбекистане была принята декларация независимости,¹ но и это событие, которое ныне ежегодно отмечается грандиозными торжествами, осталось тогда незамеченным большинством узбекского общества, погружённого в трудности и радости повседневного быта.

Как мы видим распад СССР?

Случайное совпадение моего научного путешествия и путча навсегда оставило в моей памяти большой пробел в переживании “демократической революции”. Я не получил тех впечатлений и ощущений, которые испытали многие мои коллеги и друзья в Москве. Но одновременно такое совпадение дало мне возможность взглянуть на август 1991-го не с привычной для меня стороны, а с точки зрения тех советских граждан, которые жили на далёких окраинах СССР и имели другую перспективу обзора происходившего. Я убедился, что распад страны, как мы его называем, имел свою историю, свою оценку и интерпретацию в зависимости от того, откуда, с какой точки тот или иной человек смотрел на этот процесс. Разумеется, я имею в виду и политическую, и социальную позиции, которые в тот момент занимал наблюдатель – был ли он колхозником, чиновником или, например, преподавателем в вузе. К этому можно добавить ещё и культурную и – в какой-то степени – географическую (центр – периферия и т.д.) локализации. Интерпретации зависели от представлений, ожиданий, интересов, стратегий, которые формировались всем комплексом такого рода местоположений, а это означает, что если мы хотим понять, какими были траектории постсоветских изменений, то должны держать в уме самые разные позиции, существовавшие в СССР и существующие сейчас.

Данный текст – это попытка вспомнить о распаде СССР через анализ постсоветских трансформаций в Центральной Азии. Конечно, “Центральная Азия” – позиция условная, её можно уменьшить, раздробить на более мелкие части/ позиции (например, “Фергана”, “Памир”, “Приаралье” и пр.) или, наоборот, увеличить, изменить конфигурацию – и мы получим другие контуры для анализа (например, “мусульманские регионы СССР”). Я, тем не менее, избираю “Центральную Азию” как место, знакомое большей части российских читателей, наделённое ими совокупностью черт, пусть даже только

---

¹ В тот же день независимость провозгласила Киргизия, 9 сентября – Таджикистан, 27 октября – Туркменистан, 16 декабря – Казахстан.

воображаемых.² Людям с советским прошлым оно знакомо в виде формулы “Средняя Азия и Казахстан” – административно очерченной территории пяти “азиатских” советских республик, своеобразного внутреннего “иного”, одновременно “экзотического” и “отсталого”. Будучи “иным”, “Средняя Азия” нередко выпадала и продолжает выпадать из наших (“российских”) рассуждений о Российской империи, СССР и постсоветском периоде. “Оттуда” доносятся лишь редкие голоса, а в целом регион остаётся (пост)советским дальним “углом”, на котором наше внимание останавливается редко и ненадолго.³ Такое выпадение – ещё одна особенность, позволяющая говорить о воображаемом единстве этого региона, по крайней мере с точки зрения тех, кто по-прежнему ощущает свою “европейскость” и “центральность” по отношению к нему.

Для понимания советского прошлого и постсоветского настоящего мне представляется важным вернуть центральноазиатский регион в наше поле зрения и увидеть (пост)советское пространство во всей его полноте и многообразии. Для этого я попытаюсь кратко, буквально штрихами, охарактеризовать происходящие в нём процессы. Разумеется, я не беру на себя роль представителя “центральноазиатов”, который объясняет неосведомлённой публике внутреннюю логику событий. Я сохраняю взгляд на Центральную Азию извне, но при этом предлагаю подумать о том, каким образом мы описываем современное центральноазиатское общество (или общества), какие схемы, классификации, модели к нему прилагаются и где возникают противоречия и несостыковки. Я задаю новые вопросы и предлагаю дальнейшие пути размышлений о постсоветской судьбе региона.

Весьма соблазнительным кажется желание объявить гибель СССР продолжением процессов дезинтеграции больших мультикультурных империй, неким аналогом распада, например, Британской и Французской империй в середине XX в., в результате которого появились возвращенные колонизаторами национальные государства и элиты, сразу оказавшиеся в неколониальной зависимости от прежних метрополий, с которыми они сохраняют неравноправные отношения и обмены. Миллионы узбекских, таджикских и киргизских мигрантов, приехавших в Россию и превратившихся здесь в жестоко эксплуатируемых неграждан

² См. другой мой текст: Сергей Абашин. Размышления о “Центральной Азии в составе Российской империи” // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456-471.

³ Напомню, что в 1989 г. территория и население этого региона составляли примерно 1/6 от территории и населения всего СССР.

второго сорта, являются наглядным подтверждением постколониальной природы постсоветской Центральной Азии. Однако, несмотря на многие аргументы в пользу подобной трактовки, я собираюсь сосредоточиться на пределах и ограничениях, которые имеются у категорий нации, империи и колониализма, на их внутренней нестабильности и противоречивости. Интересно и то, как эти категории используются (или не используются) в самой Центральной Азии, как их истолковывают местные элиты и какие факторы влияют на способы включения указанных категорий в те или иные контексты.

Замечу, наконец, что настоящий текст – это не исследование конкретных кейсов и проблем, а скорее свободное эссе, написанное к двадцатой годовщине распада СССР по приглашению редакторов *Ab Imperio*, обобщающее и схематизирующее накопленные мной за два десятка лет впечатления и не претендующее на историографическую полноту, фактологическую детализацию или исчерпывающую аргументацию.

Нации и их фрагменты?

Распад СССР и весь последующий период часто рассматриваются как ожидаемое, подготовленное всей предыдущей историей (по крайней мере, XX столетия) торжество идеи нации. Это даже не окончательное торжество, а продолжающееся и усиливающееся укрепление национальной государственности, национальной идеологии и национальной идентичности. И действительно, в странах Центральной Азии мы наблюдаем создание национальных мифологий и ритуалов, переписывание учебников и переоформление музейных экспозиций в духе национальных историй, укрепление (или попытки укрепления) роли национальных языков, острое беспокойство по поводу демографической и культурной угрозы со стороны иноэтничных меньшинств и т.д. Мы видим также конфликты и противоречия внутри стран Центральной Азии и между ними, и эти конфликты кажутся столкновениями различных народов и этнических групп. Мы видим ожесточённые баталии в СМИ и в Интернете, участники которых выбирают оппонентов по национальному признаку и грозят им реваншем. Колонны наций маршируют по региону – это очевидно для любого экспертного анализа.

Я хочу не столько поколебать такое представление, сколько увидеть/показать разные грани процесса укрепления национальных государств. На мой взгляд, этот процесс необходимо рассматривать не как сам собой

развёртывающийся и телеологически предопределённый, а как сумму эффектов разнообразных и зачастую хаотических событий и действий. Эти эффекты сцепляются, структурируются, усиливают друг друга, транслируются в другие сферы, формируют память о тех или иных событиях и их объяснение.

Некоторые такого рода эффекты связаны с начатой в 1920-е гг. советской политикой конструирования/формирования национальных республик, национальных культур и национальных элит. Об этом уже много написано.⁴ Созданные элиты научились говорить по-советски на своих национальных языках. Ссылка на национальность стала официальным способом получения доступа к власти, привилегиям, бонусам, а иногда – стигмой, инструментом репрессий и дискриминации. События 1988–1991 гг., когда региональные элиты вступили в торг с центром о своих правах, не были (по крайней мере в Средней Азии и Казахстане) “национально-освободительной борьбой” и стремлением к независимости. На самом деле это было продолжение постоянно идущих переговоров между центром и республиками о перераспределении ресурсов. Руководители республик выражали полную лояльность Москве, и принятое ею решение о ликвидации СССР стало для них неожиданностью.

После 1991 г., когда центральноазиатские республики были отделены от России, стали появляться новые эффекты. Иногда это были случайные, иногда вынужденные шаги и решения, которые привели к новому витку структурирования национальных институций, практик, идентичностей и чувств. Ссылка на нацию оказалась удобной в языке международного права как способ перевода и сравнения, как язык общения с другими странами, международными организациями, туристами, западными экспертами и политиками, для которых нация является понятной формой объяснения. Ссылка на нацию дала также возможность говорить о прошлом, историческом наследии, “золотом веке”, аутентичной культуре и преемственности, воспитывать примордиальные чувства у населения новых государств и сглаживать опасные противоречия и разломы внутри общества. Ссылка на нацию была и остаётся инструментом модернизационной мобилизации, построения

⁴ См.: Ю. Слёзкин. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 329-374; Терри Мартин. Империя “положительной деятельности”: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Москва, 2011.

и пропаганды планов счастливого будущего. В каждом из этих полей национальный нарратив конструируется по-своему, представляется в особых ракурсах, выполняет специфические функции, но все эти поля соединяются, когда речь идёт о легитимации авторитарных (или склонных к авторитаризму) центральноазиатских режимов, которые считают, что действуют от имени и во благо нации, и убеждают в этом окружающих.

Понимание, что национализм не является изначально заданной программой или колеёй, а связан с конкретными контекстами, позволяет увидеть различные постсоветские траектории национализмов в Центральной Азии. При всех схожих и параллельных чертах, существовавших на протяжении веков или возникших благодаря унификаторской политике советского центра, при наличии многочисленных линий взаимодействия и взаимовлияния, копирования и соревнования национальные идеологии и практики строительства государств в регионе заметно отличаются друг от друга. Сильно упрощая, можно сказать, что узбекский национализм озабочен укреплением государства, таджикский – апеллирует к диаспорам и отчаянно борется с мусульманской альтернативой, кыргызский – болезненно пытается удержать единство элиты, казахский – ищет формулу сосуществования с русскоязычной общиной, а туркменский национализм направлен на изоляцию страны от внешнего мира.⁵ Вместе все эти темы, конечно, присутствуют в каждом государстве (тот же вопрос о мусульманской идентичности актуален везде), но острота, масштаб и специфика их проблематизации оказываются разными.

Опять же, не вдаваясь в подробности, отмечу – указанные и прочие различия возникли и продолжают углубляться просто в силу того, что новые центральноазиатские государства имеют разные весовые категории и условия жизни, что выглядело не слишком значимым внутри СССР. Оказывается, одни из них имеют более многочисленное население, другие – большие запасы нефти и газа, кто-то – влиятельную русскоязычную общину, а кто-то – общую границу с Китаем и Афганистаном и т.д. Наличие тех или иных ресурсов и способность конкретных представителей и групп элиты их использовать определяют то, как формулируются национальные интересы, внешнеполитические ориентиры, риторические предпочтения, выбираются примеры

---

⁵ Не забудем и про каракалпакский, памирский, а также уйгурский национализмы со своими собственными интересами и институтами, которые сложились ещё в советское время.

и образцы, которым стремятся подражать. Поэтому неудивительно, что центральноазиатские нации и национализмы отличаются друг от друга, по-разному устроены изнутри и по-разному видят своё прошлое и будущее.

Национализм – это не рамка, в которую все люди помещены помимо своей воли, а некая сумма проектируемых или спонтанных действий и их эффектов. Такой подход позволяет увидеть различных акторов, участвующих или не участвующих в производстве таких эффектов. Мы обнаруживаем, что существует не один доминирующий национализм, а разные его версии, находящиеся в отношениях постоянной дискуссии и конкуренции между собой. Например, правящая сегодня в Узбекистане группа не обращает никакого внимания на нужды и призывы узбекских меньшинств за пределами страны, но часть истеблишмента в Ташкенте слышит эти голоса соплеменников и даёт понять, что они им небезразличны. Точно так же в Таджикистане часть местной элиты ждёт отклика от таджикских диаспор, другая же часть призывает сосредоточиться на строительстве государства внутри заданных границ. Легко можно себе представить, что группы элиты будут сменять друг друга у власти и по-новому расставлять политические акценты.

Рядом с политической и интеллектуальной элитой (и внутри неё) в странах Центральной Азии существует множество разных социальных классов и сообществ, имеющих собственные интересы и стратегии. Иногда эти интересы вписываются в национальные проекты и усиливают их, а иногда нет – в последнем случае возникают иные эффекты, альтернативные национализму. К их числу можно отнести, например, формирование влиятельных региональных групп элит, которые существуют во всех странах региона. В Таджикистане соперничество между ними привело в 1990-е гг. к настоящей гражданской войне, в Киргизии периодические революции в своей основе тоже имеют конфликт региональных идентичностей. Другой набирающей (волнообразно) силу в течение всего постсоветского периода альтернативой национализму являются различные исламские/исламистские проекты. Некоторые из них полностью отрицают национальное деление как противоречащее исламу и навязанное Россией/Западом. Я бы указал ещё на разного рода женские движения, которые формулируют особый взгляд на национализм. И, наконец, отдельно нужно говорить о масштабной миграции из некоторых стран Центральной Азии в другие государства на заработки и на постоянное проживание. Мало того, что мигранты выпадают на длительные сроки из-под действия

националистической пропаганды – они ещё создают там, куда едут, новые социальные сети, идентичности, практики, образуют сложные транснациональные сообщества, в которых роль культуры, истории и языков переосмысливается заново.

Обозревая все эти альтернативные или дополнительные эффекты, которые на протяжении прошедших двадцати лет постепенно усиливались, распространялись и сцеплялись в новые проекты и тенденции, можно сделать вывод, что национализм в качестве доминирующей официальной риторики не в состоянии привести к единому знаменателю многочисленные частные и групповые интересы и стратегии. Более того, мы видим набирающий силу процесс ещё большей фрагментации наций по разным линиям: регионы, богатые и бедные, город (пригород) и село, исламисты, женщины, мигранты, меньшинства и т.д. Это не означает, что нации – несостоявшиеся общности и идентичности, однако это указывает на то, что процесс национального конструирования продолжается, реагирует на новые обстоятельства, меняет свою траекторию и постоянно находится в конкуренции с другими идентичностями.

От империи к Империи?

Если тема нации/национализма присутствовала в риторике всех центральноазиатских политиков и, соответственно, в научном/экспертном анализе современной Центральной Азии все последние двадцать лет (и внимание к ней не угасает – пожалуй, даже увеличивается),⁶ то тема постколониальности как характеристики местных постсоветских обществ развивалась постепенно и неоднозначно.⁷

Вопрос о постколониальности упирается прежде всего в другой вопрос: был ли СССР колониальной империей и, соответственно, было ли тогдашнее среднеазиатско-казахстанское общество колонизованным?

---

⁶ См.: Graham Smith, Vivien Law, Andrew Wilson, Annette Bohr, Edward Allworth (Eds.). *Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities*. Cambridge, 1998; Olivier Roy. *The New Central Asia: The Creation of Nations*. London, 2000; Laura Adams. *The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan*. Durham, 2010.

⁷ См.: Л. Адамс. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 25-36; Deniz Kandiyoti. Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34. № 2. Pp. 279-297; А. Ремнёв. Колониальность, постколониальность и “историческая политика” в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 169-205.

По этому поводу мнения среди исследователей разделились. Одни из них называют СССР империей, причём именно колониальной империей, в которой целые народы и регионы находились в подчинённом, неравноправном положении и управлялись типично колониальными технологиями.⁸ Другие доказывают, что Советский Союз был необычной империей или даже вовсе не империей, а скорее, например, мобилизационным модернизирующимся государством.⁹ Этот спор хорошо известен читателям *Ab Imperio*, поскольку журнал регулярно возвращается к нему, предоставляя трибуну для выражения разных точек зрения. Меня в данном случае интересует не академическая дискуссия, а отношение политиков, элиты и населения Центральной Азии к этому вопросу. А оно также не является однозначным.

Критика СССР – важный и необходимый элемент современных национальных нарративов в Средней Азии, нации приходят на смену прежнему несправедливому строю, освобождаются от него, преодолевают его недостатки. Без отторжения советского прошлого невозможно легитимировать нынешний политический статус, т.е. объяснить, откуда новые страны взялись и почему у них появилось право на самостоятельную государственность. Однако критика СССР в разных центральноазиатских странах принимает разную форму, имеет свою специфику и неодинаковую интенсивность.

Пожалуй, самую жёсткую позицию занимает в этом отношении власть Узбекистана, которая проводит последовательную политику десоветизации. Почти сразу после распада СССР президент Узбекистана Ислам Каримов провозгласил идею “мустакиллик”, т.е. независимости, как главной цели, к которой узбекское общество стремилось всегда, во все времена, и которой оно наконец в 1991 г. добилось. Под знаменем этой идеологии происходит массивное реконструирование и переименование пространства, уничтожение всех символических мест памяти о советском времени, из поля зрения вытесняются советское кино, советская литература, советские учебники, советская музыка. Политика памяти в Узбекистане по отношению к советскому времени

---

⁸ См.: Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London, 2005; Йорг Баберовски. *Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе*. Москва, 2010; Douglas Northrop. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY, 2004.

⁹ См.: Adeb Khalid. *The Soviet Union as an Imperial Formation: A View from Central Asia* // Ann Stoler, Carole McGranahan, and Peter Perdue (Eds.). *Imperial Formations*. Santa Fe, 2007. Pp. 123-151.

основывается на травматизации сознания людей, ярким примером чему является Музей памяти жертв репрессий.¹⁰ Идеология независимости объединяет в одну общую травму память о страданиях в результате колониальной политики царского времени и память о сталинских репрессиях и других бедах советской эпохи. Хотя риторически о колониализме времён Российской империи и тоталитаризме времён СССР говорится раздельно, по существу различие между ними не проводится, не проблематизируется – советские репрессии представлены как закономерное продолжение репрессий эпохи Российской империи. Такое неразличение позволяет достичь двух политических целей: с одной стороны – умножить критику СССР, дополнив ее критикой империи Романовых, а с другой стороны – придать аргументам против советского тоталитаризма антиколониальный характер и, следовательно, переместить акцент с вопросов прав человека на вопросы культурного различия.

Почему именно Узбекистан оказался лидером десоветизации? Я бы назвал два фактора: субъективный и структурный. Начну с последнего: в Москве Узбекистан считали “главной” республикой региона. Его представители временами занимали места в Политбюро ЦК, в Ташкенте располагались региональные филиалы союзных министерств, а это означает, что именно здесь контакты между центром и советской периферией, точки их соприкосновения были более непосредственными, а напряжение – более сильным. Субъективный фактор является продолжением структурного: так называемое хлопковое дело, с помощью которого Андропов в 1980-е гг. пытался переписать прежние соглашения Кремля и Узбекистана (как “главной” центральноазиатской республики) и восстановить контроль над регионом в целом, продемонстрировав всем местным обществам силу центра. Это дело было болезненным ударом по самолюбию узбекской элиты, что во многом обусловило её антикремлёвские/антисоветские настроения.

В других странах Центральной Азии также предпринимаются усилия по демонтажу символических конструкций российского и советского наследия, причём спустя двадцать лет этот процесс не только не останавливается, а наоборот, кажется, постепенно набирает силу. Однако при этом, в отличие от Узбекистана, прочие центральноазиат-

---

¹⁰ Подробнее см. мою статью: Сергей Абашин. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 37-54.

ские власти и элиты не стремятся сделать критику СССР травматизирующей, превратить советское прошлое в исключительно негативный образ, вытеснить всё советское любыми средствами.

Хочу обратить внимание на общую для всех центральноазиатских стран особенность: власти и большинство населения ни одной из них не готовы публично назвать советский период колониальным, а бывшие советские республики – колониями. К этому не готовы даже в Узбекистане, хотя именно там идеологический нарратив обретения независимости ближе всего подошёл к классическим образцам нарративов деколонизации. Однако узбекская власть ограничивается лишь прозрачными намёками на то, что советский период был продолжением колониального периода Российской империи, но не решается логически завершить это сравнение объявлением СССР колониальной империей, а нынешнее состояние Узбекистана – постколониальным.

Чтобы объяснить этот факт, напомним сказанное выше: центральноазиатское общество не является однородным, оно делится на множество классов, групп, прослоек, сообществ со своими собственными интересами. Соответственно, и отношение к колониальной тематике и к СССР имеет разные источники и разную природу – в зависимости от того, кто это отношение высказывает.

Различие между странами Центральной Азии в оценке советского прошлого связано, например, с присутствием русскоязычных граждан в составе населения. Казахстан и Кыргызстан имеют большие русскоязычные общины, включая русскоязычных казахов и киргизов, поэтому местные власти не заинтересованы в том, чтобы проблема травматизации процесса десоветизации стала здесь источником внутреннего социального напряжения.

Одна из причин нежелания помнить себя в роли колонизируемых заключается в том, что большая часть представителей современных центральноазиатских элит имеет советскую биографию карьеры и успеха, все современные атрибуты государственности (границы, институты, образы) также сформировались в советское время и несут на себе печать советского конструирования. Публично, откровенно назвать свои корни колониальными означает поставить под вопрос легитимность социального и символического капитала, а следовательно, и нынешнего политического статуса, что элиты опасаются делать.

Кроме того, элиты вынуждены учитывать общественные настроения в своих странах. Мне попались на глаза результаты любопытного опроса, который был организован в 2009 г. в бывших советских респу-

бликах агентством “Евразийский монитор”.¹¹ Опрос показал большой разброс оценок советской истории, при этом, однако, выявилось, что именно в странах Центральной Азии наблюдаются самые высокие на постсоветском пространстве проценты положительной оценки основных советских деятелей (в том числе таких, как Сталин, Жуков и Брежнев) и позитивного восприятия Октябрьской революции 1917 года, Второй мировой войны или внешней политики СССР, а также не такое негативное, как, допустим, в Прибалтике или Грузии, отношение к коллективизации и репрессиям. Можно спорить о методике таких опросов и способах интерпретации их результатов, но мне представляется неоспоримым тот общий вывод, что внутри официальной памяти или рядом с ней существует множество других историй и биографий, которые не являются простыми производными от государственной политики памяти, а ностальгия по советскому времени становится своеобразным способом критики нынешнего состояния дел, которое в странах Центральной Азии далеко не самое радужное. Упадок экономики и социальной сферы, нестабильность, увеличение разрыва между бедными и богатыми, появление и усугубление новых форм господства в сознании многих людей делает прежние, советские формы господства не столь актуальными, а успехи прошлого, казавшиеся в 1991 г. скромными и спорными, – недостижимым теперь идеалом. Пусть только декларировавшаяся, но всё-таки поддержка, “позитивная дискриминация”, распространявшаяся в Советском Союзе на женщин, жителей отсталых регионов и культурные меньшинства, вызывает признательность, особенно на фоне сегодняшнего усиления давления на эти слои общества.

Наконец, после распада СССР на место прежних отношений зависимости между советскими центральноазиатскими республиками и центром пришли новые отношения зависимости, региональные и глобальные. Так, в Таджикистане и Кыргызстане антиколониальная и вообще антисоветская тема не является центральной отчасти ещё и потому, что своим главным историческим соперником элиты этих стран считают теперь Узбекистан, который, по их мнению, осознанно мешает развитию соседей. Активное проникновение в Центральную Азию мировых держав (США, Китай, европейские страны и т.д.) и разного

---

¹¹ Исследовательский проект “Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов”. Апрель – май 2009 г. Краткий аналитический отчёт / Международное исследовательское агентство “Евразийский монитор” // <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-162.html>.

рода международных организаций сопровождалось возникновением конфигурации неокOLONиального подчинения, вмешательством во внутренние дела региона, распространением здесь чужой культуры. В таких условиях страны Центральной Азии стремительно превращаются в мировых аутсайдеров, которые в лучшем случае поставляют ведущим державам сырьё и рабочие руки, получая взамен ещё большую зависимость от внешних кредитов, инвестиций и политической благосклонности, а то и угрозу военного вторжения в случае нарушения установленных теми же державами правил.¹²

Усиливающаяся фрагментация центральноазиатских обществ, о которой я упоминал, объясняет отсутствие консенсуса по отношению к советскому прошлому, большой разброс мнений и оценок, продолжение и иногда даже обострение дискуссий. Однако в качестве тенденции я бы отметил процесс распространения антисоветской риторики в Центральной Азии, что связано с падением влияния России и уменьшением веса русскоязычной общины, со сменой прежней, советской номенклатуры на новое поколение менеджеров, никак не обязанных своей карьерой советскому времени. Созданные в СССР экономическая, социальная и символическая инфраструктуры постепенно изнашиваются, даже если местные элиты не прилагают специальных мер к их разрушению, мест памяти о советской истории остаётся всё меньше и, соответственно, новые темы и вопросы оказываются более важными и определяющими для жизни людей.

Когда же закончится постсоветский период?

Вопрос о постколониальности нынешних центральноазиатских обществ связан также с вопросом о том, какое советское наследие, какие советские черты сохраняются в течение двадцати лет независимости, насколько они определяют специфичность процессов в Центральной Азии.

Наличие такого наследия априори предполагается в определении “постсоветские”, которое по-прежнему является популярным и устойчивым. В нём заложен разнообразный набор характеристик, которые

---

¹² О новых конфигурациях зависимости в регионе см., например: Boris-Mathieu Petric. *Post-Soviet Kyrgyzstan or the Birth of a Globalized Protectorate* // *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24. № 3. Pp. 319-332; John Heathershaw. *Tajikistan amidst Globalization: State Failure or State Transformation?* // *Central Asian Survey*. 2001. Vol. 30. № 1. Pp. 147-168.

отличают центральноазиатские государства, например, от стран Ближнего и Среднего Востока, схожих с ними по религии, культуре и языку. Во-первых, это определение указывает на весьма специфические политические, экономические и социальные трансформации, которые пережил регион в XX столетии под влиянием не столько внутренних процессов развития, сколько политики социальной инженерии, проводившейся центральной властью СССР. Во всех странах были сформированы определённые политические, экономические, социальные инфраструктуры, институты, практики осуществления власти, которые во многом сохраняются и определяют современный государственный строй. Например, нынешние президентские аппараты, сосредоточивая внутри себя основные рычаги контроля и управления, копируют аппараты ЦК компартий, большая роль придаётся идеологии, государственной символике и ритуалам, парламенты и принцип разделения властей носят декоративный характер, большую роль во внутренней политике играют спецслужбы. В ряде стран региона сохраняются такие советские институты, как академии наук, творческие союзы, государственные профсоюзы, молодёжные организации. Экономика имеет монопольный характер и основывается на эксплуатации ресурсов, а новые экономические проекты нередко являются продолжением тех, которые разрабатывались ещё в советское время. В социальной сфере по-прежнему живы пенсии и пособия (пусть крошечные по размерам), формальное бесплатное образование и здравоохранение – рудименты социального государства, каким провозглашал себя СССР. Наконец, сами центральноазиатские нации, о чём пишут многие историки, были сформированы в советское время в результате национального размежевания в 1920-е гг.¹³ Подобные следы советскости можно найти буквально во всех сферах государственной жизни.

Во-вторых, термин “постсоветский” указывает на специфические повседневные практики и идентичности, которые сложились в советское время у населения независимо от религиозной и национальной принадлежности. К ним относится прежде всего большая роль русского языка – фактически вся центральноазиатская элита владеет им до сих пор. Сохраняются, особенно в городах, многие бытовые привычки общения, проведения досуга, приготовления пищи, празднования Женского дня 8 марта, Нового года, Дня Победы. Люди сохраняют память о советских лидерах, советских условиях жизни, советских фильмах

¹³ См.: Arne Haugen. *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. New York, 2003.

и т.д. Сохраняются также многие социальные связи (смешанные семьи, дружеские отношения), которые образовались в тот период. Эти практики и идентичности до сих пор живы в виде ностальгии по СССР, которую фиксируют опросы населения, особенно старших возрастов.

В-третьих, сама приставка “пост” говорит о том, что советский период закончился и Центральная Азия находится в состоянии постепенного дрейфа по траектории, заданной в предшествующую эпоху. Как правило, этот дрейф рассматривается в качестве кризиса, деградации, продолжающегося распада без какого-либо внятного нового ориентира развития.

Отсылка к постсоветскости является частой и очень важной объяснительной моделью, но и у неё есть свои слабые стороны. К последним относится, например, подчёркнутое указание на уникальность советского опыта. Однако сравнение его с опытом многих других стран показывает, что советское развитие можно рассматривать как один из вариантов общих процессов развития, которые переживали страны Европы, и не только они, в прошедшем столетии. Эти процессы включают ускоренную авторитарную модернизацию (внедрение новых технологий в экономику, индустриализацию, распространение всеобщего образования и т.д.), социализацию государства (возникновение пенсионных систем, массового жилья, потребительской массовой культуры и т.д.), сверхидеологизацию политических режимов, распад империй и становление государств-наций.¹⁴ 1991 год можно, соответственно, рассматривать как продолжение или новый этап тех процессов включения в мировую систему распределения власти и разделения труда, которые уже шли благодаря советской политике на протяжении XX в.

Другим недостатком определения “постсоветский” является то, что оно во многом игнорирует те изменения и проблемы, которые накопились в центральноазиатских странах после распада СССР. Очевидно, что каждая из стран за это время успела проделать свой особый путь, поэтому можно наблюдать довольно заметную разницу между государствами Центральной Азии, в советское время, как я уже говорил, гораз-

---

¹⁴ Ст. Коткин. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия / Под ред. О. Хархордина. Москва и Санкт-Петербург, 2001. С. 239-314; Adeeb Khalid. *Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 2. Pp. 231-251; Adrienne Edgar. *Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet “Emancipation” of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 2. Pp. 252-272.

до менее отчётливую. У местных обществ появились/проявились новые особенности: например, массовая трудовая миграция, которой раньше в такой форме не было. На социальное пространство стали влиять такие новшества, как Интернет, мобильная связь и многое другое, что также создаёт совершенно новую, несоветскую реальность. Выросло поколение, которое не имеет памяти и ностальгии по советскости, плохо знает русский язык, поколение, чьи практики и идентичности, например исламистские, не имеют ничего общего с советским периодом. В нынешних странах региона строится и частично уже построена новая транспортная инфраструктура, ориентированная на Иран, Афганистан (и далее Пакистан), на Китай – по этим путям активно передвигаются ресурсы, люди, деньги, идеи. Поменялась интенсивность внутренних потоков движения в Центральной Азии: в некоторых местах она возросла (переезд столицы Казахстана из Алматы в Астану, бывший Целиноград), в других (например, на границах Узбекистана с соседями) снизилась. Описывать такого рода перемены можно так же долго, как и перечислять примеры советского наследия.

Отсылка к постсоветскости, таким образом, по-прежнему годится для одних аналитических операций, но совершенно не подходит для других. Реальность, которую мы наблюдаем, имеет разорванный, гибридный характер, она не укладывается в какую-то готовую модель, изобретённую на примере других стран и регионов, и не даёт оснований к созданию отдельной модели исключительно для Центральной Азии. “Переходные общества”, “несостоявшиеся государства”, “новая периферия” (или “новый Юг”), “авторитарные (варианты: мусульманские или постсоветские) режимы” и т.д. – каждая из перспектив предлагает свой взгляд и свою линию рассуждений и указывает на какие-то черты центральноазиатских обществ, которые в ином ракурсе не видны или видны лишь отчасти, в искажённой перспективе. Любая выбранная объяснительная модель сама накладывает ограничения и создаёт помехи в восприятии, заставляет спрямлять расходящиеся в разные стороны линии реальности.

Для меня особенно важно, что разные перспективы существуют не только в видении экспертов, но и в сознании, размышлениях, идентичности самих жителей региона – элиты и неэлиты. Как только начинаешь рассуждать о Центральной Азии, используя слова “нация”, “империя”, “колониализм”, “советскость”, сразу же возникает вопрос: а как различать категории анализа и категории практики, т.е. как отделить строго научные определения от множества контекстов, в

которых эти слова ежедневно, ежечасно производятся и потребляются? Такое различие само по себе проблема, поскольку любой научный анализ можно рассматривать и с точки зрения его идеологических и политических эффектов, и с точки зрения социальных и финансовых механизмов, порождающих экспертное знание. Мы замечаем, в частности, что многие исследовательские модели, которые преподносятся как нейтральные, превращаются во влиятельный фактор новых разделений и неравенства.¹⁵ Категории анализа берутся из категорий практики и потом, переработанные, в область практики же и возвращаются, и этот круговорот продолжается бесконечно. В тот момент, когда очередной Маркс заявляет, что задача философа – изменить мир, происходит новое смешение категорий и начинается манипулирование их неразличимостью.

SUMMARY

This is an essay by one of the leading Russian specialists on Central Asia, Sergei Abashin, who happened to be in Uzbekistan on August 21, 1991. The experience inspired him to assume the symbolic position of an outside observer who nevertheless looks at the events of 1991 from the Central Asia perspective. As Abashin states, the breakup of the Soviet Union had its own history and interpretation depending on the point of observation. His essay is thus an attempt to make sense of the breakup of the USSR through an analysis of post-Soviet transformations in Central Asia. Abashin questions the universality and self-explanatory nature of such tropes as “local nationalisms,” “nationalisms of local elites,” or “post-Soviet societies.” He stresses that the process of nation building continues in all countries of the region and is influenced by specific local conjunctures of multiple factors, not all of which can be traced to some “Soviet legacy.” He illustrates the specifics of these conjunctures in Tajikistan, which appeals to its diaspora and desperately fights with the Muslim alternative; in Kazakhstan, which is searching for a formula of coexistence with its Russian community; in Kyrgyzstan, which is painfully trying to preserve the unity of its elites, and so on. He suggests reasons as to why Uzbekistan became the leader of de-Sovietization in the region, and why the Uzbek elite most persistently

¹⁵ См., например: Nick Megoran. *Calming the Ferghana Valley Experts* // *Central Asia Monitor*. 2000. № 5. Pp. 20-25; Madeleine Reeves. *Locating Danger: Konfliktologija and the Search for Fixity in the Ferghana Valley Borderlands* // *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24. № 1. Pp. 67-81.

employs postcolonial rhetoric. Finally, Abashin denies the validity of any monologic (post-Soviet, or postcolonial, etc.) model of development of Central Asia in the past twenty years, especially if such a model insists on the uniqueness of this development.